

М. ЙОВЧЕВА,

старший научный сотрудник Кирилло-Мефодиевского научного центра
Болгарской академии наук, доктор филологических наук (София, Болгария)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УРОКИ Д. С. ЛИХАЧЕВА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ СРЕДНЕВЕКОВЫХ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Обобщая деятельность Д. С. Лихачева, выдающийся болгарский ученый П. Динев писал о том, что академик Лихачев, исследуя литературу прошлых веков, является одной из тех исключительных личностей своего времени, которые успели заглянуть в ее будущее. Перефразируя эту мысль, мы могли бы сказать, что Д. С. Лихачев не только заглянул в будущее литературы, но и задал перспективы дальнейшего развития литературно-исторической науки своими теоретическими постановками, находящими верификацию в исследованиях уже приблизительно двух поколений его учеников и последователей. Независимо от того, что в настоящее время медиевистика вышла на совершенно новый этап после преодоления некоторых идеологических ограничений, его концепты остаются краеугольным камнем для поисков современных ученых. Немалое количество исследований академика Лихачева посвящено культурному и духовному обмену славянских народов и, в особенности, — связям между древнеболгарской и древнерусской литературой, рассмотренным в рамках более динамического восприятия литературы как сферы различных культурных, книжных и языковых взаимодействий. Его взгляд на древнеболгарскую литературу и язык как на посредников в освоении и адаптации византизма и общехристианских текстов служит основой для изучения таких литературных явлений, как Первое и Второе южнославянские влияния.

По мнению Д. С. Лихачева, сущность постоянных интенсивных взаимоотношений между болгарской и русской литературой в средние века отражают:

1) типологическое своеобразие древнеболгарской литературы, которая с эпохи своего становления имеет и наднациональный, общехристианский характер (эта примета касается вообще средневековых литератур);

2) родство древнеболгарской с богатой и разноликой византийской литературой;

3) особенности церковно-славянского языка.

Закономерность этого непрерывного взаимодействия проистекает из одной основной необходимости (даже неизбежности), которую заметил русский ученый. Речь идет о христианско-православном единстве, но не только в смысле общности духовной и идеологической, а и в чисто прагматическом аспекте, так как это единство закреплено одинако-

вым богослужебным ритуалом, предполагающим использование общих ритуально-литургических и других богослужебных книг. Как не раз подчеркивал и Д. С. Лихачев, средневековые литературы характеризуются прежде всего своей функциональностью, связанностью с христианским культом (в широком значении этого понятия). На основе совокупности структурно-композиционного, тематического и функционального признаков их жанровая система конструируется по иерархическому принципу, согласно которому на первом месте оказываются словесные формы, непосредственно связанные с христианским ритуалом.

Историки богослужения выдвинули как основную типологическую особенность восточно-православного ритуала то, что он отличается таким сложным строем, для правильного осуществления которого необходимы весьма специфические литургические книги. Исходя из этих двух предпосылок — первостепенного места литургических жанров (и макрожанров), с одной стороны, и особого характера византийского обряда — с другой, можно уточнить, что общность славянских средневековых литератур в большой степени мотивирована литургическим единством.

По наблюдениям литургистов, корпус богослужебных текстов среди славян не переводится заново и целиком, если он уже существует в славянской версии — он просто дополняется, обновляется и приурочивается к новым требованиям к структуре и композиции. Эти тезисы подтверждаются таким явлением, как Первое южнославянское влияние X–XI вв., когда на Русь прежде всего пришел комплекс богослужебных книг, в состав которых входили как переводные, так и оригинальные произведения «золотой» эпохи древнеболгарской культуры. Четырьмя веками позже, в рамках Второго южнославянского влияния (которому Д. С. Лихачев посвятил свои замечательные труды), из балканских центров в Россию попал комплекс так называемых новоизводных книг, приуроченных к богослужению по Иерусалимскому уставу. Конечно, проникновение новых жанровых моделей (как, например, житий метафрастовского типа, служб тридельной структуры), нового стиля «плетение словес» и нового движения — исихазма, являются одними из эмблематических примет Второго южнославянского влияния, но этот широкий литературный и идейный

поток осуществился благодаря движению основного корпуса литургических и паралитургических текстов.

В связи с взаимовлияниями славянских культур Д. С. Лихачев не раз обращался к сущности церковно-славянского языка как инструмента средневекового литературного единства славянских народов, раскрывая также его наднациональный характер с точки зрения его функции. Дальнейшее развитие приемов функционального подхода в исследованиях лингвистов подтверждает то, что, теряя локальные адаптации, этот язык смог выполнять роль официального церковного языка *Slavia Orthodoxa* в течение многих веков и поныне только потому, что после афонско-тырновской редакции XIV в. он достиг такой формы, с помощью которой воспроизводил в самой высокой степени исходные греческие модели почти на всех уровнях. Орфографическая устойчивость в наборе и употреблении знаков, очищенность от регионализмов и архаизмов, стабильность словарного фонда и синтаксических средств, установленность систем самых важных христианских богословских и гносеологических терминов придали этому языку более нейтральный характер и создали предпосылки для его бытования в качестве письменного и устного церковного языка православного славянского (а не только славянского) мира.

Благодаря Д. С. Лихачеву, задана одна из фундаментальных опор современной медиавистики тем, что в его трудах текстология кристаллизовалась в самостоятельную науку со

всеми необходимыми для этого статуса компонентами: со своим объектом, принципами исследования, методологическим аппаратом, терминологической системой. На основе сборников неустойчивого состава и русских летописных сводов он показал необходимость в изучении не только языкового уровня (орфографии, фонетики, лексики, синтаксиса и т. д.), но прежде всего поставил основы текстологии как науки о комплексном анализе текста в связи с филологическими и культурно-историческими факторами. Введенное академиком Лихачевым понятие «конвой» для исследования письменной истории средневековых памятников по своей сути отражает необходимость в контекстуальном изучении отдельных текстовых «ансамблей». Этот подход можно успешно применять и по отношению к другим макрожанрам: например, сборникам устойчивого состава (минеям, триодям, октоихам) или композициям, включающим микроединицы неодинаковой жанровой принадлежности (службы, чинопоследования, литургии — они характеризуются открытой структурой, где разные тексты заменяются одни другими, но общая жанрово-композиционная схема остается вполне устойчивой). Самые актуальные разработки гимнографических книг в исследованиях выдающихся современных русских и болгарских ученых основываются на применении этого подхода. Интерпретации литературного произведения в контексте окружающих компонентов привели к полезным результатам, ставшим настоящей базой для реконструкции истории славянской песенной поэзии.